

Программа радио и телевидения
3 сент. 1969 г.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ АРТИСТ

пятница, 2 программа, 20.30

Александр Иванович Сашин-Никольский... Когда произносишь это имя, в памяти возникает образ замечательного мастера сцены, автора неповторимых, дивных характеров, человека душевно внимательного, деликатного, легко ранимого.

Он был артистичен во всем — играл ли в спектакле или стоял за самодельным слесарным станком, изображал ли в шутовом этюде рыночную торговку, а вслед за ней — модную «фифочку» или задумчиво перебирал струны гитары.

«Меня ты вовсе не любила», — пел он. И сердце вздрагивало от глубокой печали голоса. Неподдельное страдание звучало в каждой фразе. Над ним-то жестоко посмеялись, были разбиты чьи-то надежды, чья-то любовь...

Все творчество Сашина-Никольского — это взволнованный рассказ об обыкновенном, может, с виду ничем не примечательном человеке, о той напряженной внутренней жизни, которой он живет, о тех трагедиях, муках и потрясениях, которые испытывает его душа.

Все творчество Сашина-Никольского — это защита личности человека, его прав, его достоинства, это яростный гнев против всего, что ломает и уродует его.

Не случайно подлинным событием стало исполнение им ролей Кузовкина в радиоспектакле «Нахлебник» и Петра Леонтьевича в фильме «Анна на шее». С огромной силой трагического искусства артист рассказал об искалеченных судьбах, о жизни, полной слез, унижений и нищеты.

В образе Шмаги Сашин-Никольский раскрывал сложную, драматическую биографию старого провинциального комика, усталого, вечно голодного, который под кривлянием прячет опустошенность, одиночество и тоску.



А. Сашин-Никольский в роли Митьки в пьесе Ф. Панферова «Жизнь».

Но искусству Сашина-Никольского были свойственны и чувства юмора, и сатирические краски, и даже гротеск.

Так, в спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше» роль Глеба Меркулыча, обросшая множеством бытовых подробностей и деталей, была сыграна с подлинно комедийным блеском.

Театралы до сих пор с восторгом вспоминают, как в «Ревизоре» смотритель училищ Хлопов не мог закутить сигару, потому что с перепугу — со страху, доведенного до абсурда, — подносил ее к свече не тем концом.

Удачными были и образы современников — Митька Юлон, делающий на лугу и новой жизни первые робкие шаги, Син Бин-у, совершающий подвиг, как самое обычное дело, или скромный тактичный хирург, понявший боль и смятение молоденькой Екатерины Ворониной.

Актерское мастерство Сашина-Никольского было своеобразным и неповторимым; оно поражало всех, кто хоть раз видел его на сцене. «Как вы это делаете?» — спрашивали у него. «Я играю солнечным сплетением», — полушутя, полусерьезно отвечал артист.

Он был в расцвете творческих сил. Казалось, его талант набирает высоту. И кто знает, каких еще героев могли бы мы увидеть в исполнении Сашина-Никольского: Чебутыкина, Фирса или необычного, незнакомого нам дотоле Луку?.. Кто знает, какую неожиданную радость доставила бы нам замечательный артист, если бы не безвременная смерть...

Да. Смерть художника всегда кажется преждевременной. Он ушел два года назад.

Двенадцатого сентября ему бы исполнилось 75 лет.

Дана ГАРОН